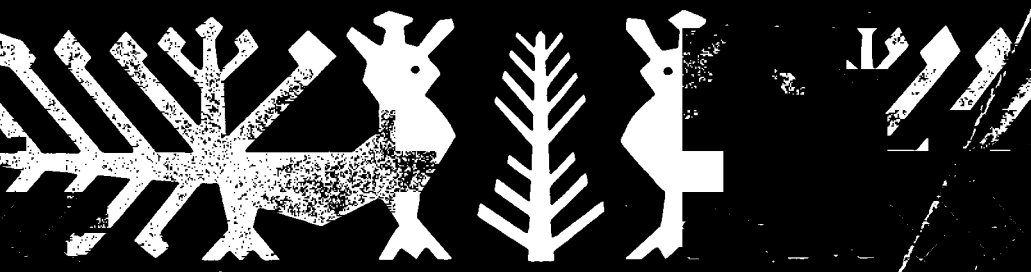

-56

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

6

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Р. Ш. Джарылгасинова

НОВОЕ В КУЛЬТУРЕ И БЫТУ КОРЕЙЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

[на примере сельского населения] ¹

Общая численность корейцев, проживающих в Советском Союзе, по данным переписи 1970 года, — 357,5 тыс. чел., при этом большая часть их сосредоточена в пределах Средней Азии и Казахстана ².

*Численность корейцев, проживающих в республиках
Средней Азии и Казахстана (в тыс. чел.)*

Узбекская ССР	— 147,5
Казахская ССР	— 81,5
Киргизская ССР	— 9,4
Таджикская ССР	— 8,4
Туркменская ССР	— 3,4

Корейцы — наиболее поздний этнический компонент населения Средней Азии и Казахстана. Первые семьи корейцев приехали сюда в середине 1920-х годов. В 1924 году под Ташкентом была создана первая корейская сельскохозяйственная артель.

В настоящее время в отдельных областях Узбекской ССР и Казахской ССР корейцы проживают компактными группами.

*Численность корейцев в районах их компактного
расселения (в тыс. чел.)*

Узбекская ССР	
Ташкентская обл.	— 73,3
Самаркандская обл.	— 7,7
Ферганская обл.	— 6,4
Сырдарьинская обл.	— 1,1
Казахская ССР	
Кзыл-Ординская обл.	— 13,4
Талды-Курганская обл.	— 12,5
Чимкентская обл.	— 9,8
Джамбульская обл.	— 8,2
Алма-Атинская обл.	— 4,3

¹ В основу данной статьи положены материалы, собранные автором во время экспедиций и командировок к корейцам Средней Азии и Казахстана в 1959, 1961, 1967, 1969, 1974 гг.

² В данной статье сведения о численности корейского населения даются по итогам переписи 1970 года. См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV — «Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов». М., 1973, табл. 1, с. 10. Далее приводятся данные таблиц 11, 12, 13, 14, 24.

Особенностью современного размещения корейцев в республиках Средней Азии и Казахстана является преобладание городского населения. Так, по данным переписи 1970 г., из 147,5 тыс. корейцев Узбекской ССР более 85 тыс. чел. проживало в городах; из 81,5 тыс. корейцев Казахской ССР более 59 тыс. чел. составляли городское население. Много корейцев живет в столицах союзных республик, в областных и районных центрах. Например, в Ташкенте в 1970 г. проживало 18 186 корейцев, в Алма-Ате — 6908, во Фрунзе — 4095, в Душанбе — 3280.

В сельских районах, где корейцы расселены компактно, за прошедшие четыре десятилетия выросли передовые хозяйства. Многонациональные по своему составу, они, из-за преобладания в них корейского населения, нередко называются «корейскими». Наиболее известные среди них — колхозы «Политотдел», «Полярная звезда», «Правда», имени Димитрова, имени Свердлова, «Ленинский путь» (Ташкентская область), колхозы «Авангард» и «III Интернационал» (Кзыл-Ординская область), «18 лет Казахстана» (Целиноградская область), совхоз «Кустанайский» (Кустанайская область), совхоз «Раушан» (Каракалпакская АССР) и многие другие. В этих передовых хозяйствах корейцы вместе с представителями других национальностей (узбеками, казахами, таджиками, татарами, русскими и другими) выращивают хлопок, возделывают лубяные культуры (кенаф), собирают большие урожаи кукурузы и сахарной свеклы. Многие корейцы заняты в животноводстве.

Необходимо отметить также, что в сельскохозяйственной деятельности сказываются многовековые традиции корейских земледельцев-рисоводов. В условиях Средней Азии и Казахстана корейцам-рисоводам нередко принадлежит важная и почетная роль пионеров целины. Корейцы, как правило, руководят рисоводческими бригадами или звеньями в многоотраслевых колхозах³. Многие корейские рисоводы принимали и принимают участие в улучшении имеющихся и выведении новых сортов риса. Так, заслуга выведения сорта риса «Политотдельское кенде» принадлежит одному из первых организаторов колхоза «Политотдел» Ким Секпому (1890—1965)⁴.

Достижения корейских хозяйств широко освещаются в советской публицистической и научной литературе⁵.

Вот некоторые данные о производственных достижениях колхоза «Политотдел». За период с 1953 по 1973 гг. урожай хлопка увеличились здесь с 21 до 40 центнеров с гектара; кенафа — с 36 до 220, риса — с 25 до 62. В 1973 г. денежный доход колхоза составил более 11 млн. рублей. За эти двадцать лет колхозники освоили более полутора тысяч гектаров заболоченных земель, построили животноводческие и птицеводческие комплексы.

Крупным многоотраслевым хозяйством с мясо-молочным и зерновым направлениями является колхоз «18 лет Казахстана» Целиноградской области.

Из среды корейцев выдвинулось много выдающихся, известных всей стране руководителей сельского хозяйства. Так, например, более тридцати лет руководил колхозом «Полярная звезда» Ташкентской области — Дважды Герой Социалистического Труда Ким Пён-хва. В память

³ См. например: В. Ф. Шупаковский. Культура риса в Узбекистане. Ташкент, 1958, с. 54—57.

⁴ «Полевые записи автора». Колхоз «Политотдел», 1967 г., сентябрь — октябрь.
⁵ См. например: Н. И. Пак. Колхоз «Авангард» (Чилийский район Кзыл-Ординской области). М., 1950; А. А. Пак. Многоотраслевой совхоз на целинных землях. На примере совхоза «Кустанайский» Кустанайской области. М., 1959; М. Г. Хван. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961; его же. Трудом и только трудом. М., 1962; Пак Сусан. Опыт получения высокого урожая лубяных культур в совхозе имени Свердлова Верхнечирчикского района Ташкентской области. Ташкент, 1962; Пак Дек Ен. Золотое десятилетие (О деятельности партийной организации колхоза «Политотдел»), Ташкент, 1963.

о заслугах и трудовых подвигах Ким Пён-хва на центральной площади колхоза установлен его бронзовый бюст. Во главе колхоза «III Интернационал» Кызыл-Ординской области стоит Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Казахской ССР — Цхай Ден Хак, а Герой Социалистического Труда, делегат III-го Всесоюзного съезда колхозников Кан Де-Хан руководит колхозом «18 лет Казахстана».

Совместный творческий труд корейцев, узбеков, казахов, русских, таджиков и татар способствует быстрому процессу взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Особенно ярко это проявляется в материальной культуре корейцев Средней Азии и Казахстана.

Жилище корейцев в сельской местности, как правило, возводится по типовым проектам, разработанным для того или иного района Средней Азии или Казахстана с учетом местных условий и традиций. В местах компактного расселения корейцев дома чаще всего возводятся строительными бригадами. При строительстве домов корейцы используют традиционные местные приемы и материалы. У народов Средней Азии и прежде всего у узбеков заимствованы традиции строительства глинобитных домов и домов из саманного кирпича, с которыми корейцы до переселения на территорию Средней Азии и Казахстана не были знакомы. В наши дни жилище корейцев представляет собой, как правило, двух или четырехкамерную постройку из сырцового кирпича, установленную на кирпичном фундаменте, с большими обращенными на улицу окнами, с двух — или — четырехскатной крышей, крытой шифером или железом, с открытой во двор верандой. Дома в плане чаще прямоугольные.

Широко используя среднеазиатскую строительную технику и местные материалы, при устройстве отопления в жилище корейцы следуют русским или своим национальным традициям. Иногда эти две тенденции своеобразно совмещаются. Под несомненным влиянием традиций русского жилища корейцы отдают предпочтение домам, в которых имеется печь типа голландки. Национальным своеобразием отличается корейская традиционная система отопления — *кудур*. *Кудур* или *ондоль* («утепленный пол») — древнейший, самобытный способ корейского национального отопления. Основной принцип устройства кудур сводится к следующему: от топки печи, расположенной ниже уровня пола комнаты, отведены три или пять головных каналов; от них идут более мелкие трубы или просто углубления на дне каменной кладки. По каналу и трубам растекаются огонь и дым очага, обогревающие пол. У задней стены комнаты все трубы соединяются в отводной канал. Перед выводом дымохода на улицу в земле делают вытяжную яму. Наружная труба отводного канала помещается на некотором расстоянии от дома. Однако сейчас нередко отводной канал бывает связан с дымоходом плиты или голландки, которыми отапливаются другие комнаты. Это не единственное изменение в устройстве отопления. Если раньше корейцы выкладывали трубы кудур из камней, то сейчас повсеместно применяется кирпич. Изменился нынешний вид и той части кудур, которая расположена над самой топкой и является местом приготовления пищи. Раньше здесь вмазывались чугунные котлы *кама*, обычно один большой или два маленьких. Сейчас эта часть кудур устроена, как плита, на ней можно готовить пищу не только в котлах, но и в современной алюминиевой и эмалированной посуде. Кудур строят иногда сами хозяева, иногда специальный мастер — кореец из строительной бригады. Строительство хорошего кудур — большое искусство, и настоящие мастера своего дела высоко ценятся в народе.

Корейская отопительная система пользуется известностью среди узбеков, казахов, таджиков, которые, по словам информаторов, иногда просят корейцев построить в их домах кудур.

Наличие или отсутствие в доме кудур оказывает большое влияние на весь уклад домашней жизни корейской семьи. Если в доме есть кудур, то

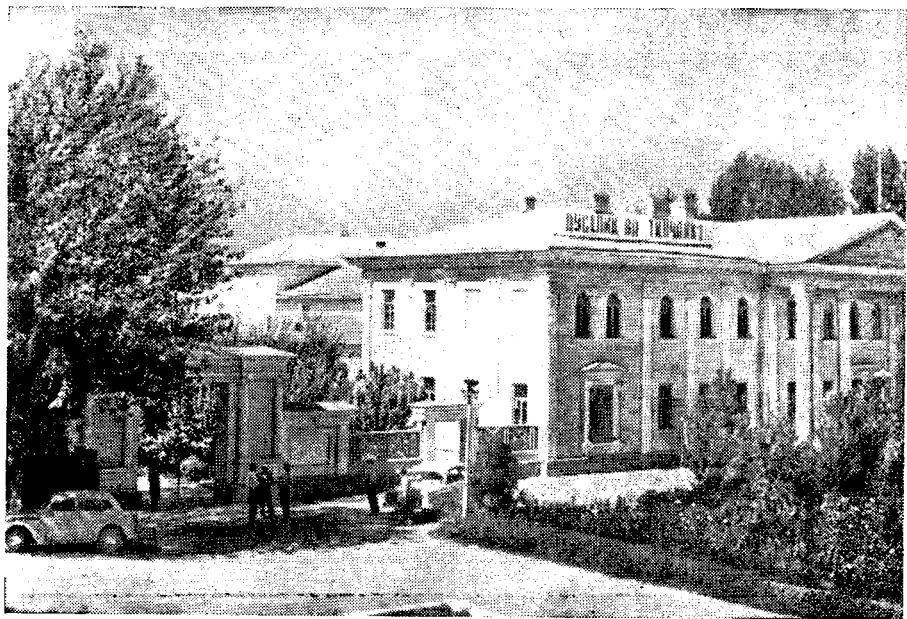

Рис. 1. Дворец культуры в колхозе имени Димитрова

комната с теплым полом становится тем своеобразным центром дома — островком, где протекает обычно вся жизнь членов семьи, несмотря на наличие других комнат.

В «современных» комнатах живут старшие дети, студенты, школьники старших классов, женатый сын со своей семьей. Особенно интенсивно используется жилая площадь этих комнат в тех случаях, когда в доме нет кудур. Пол в доме содержится в большой чистоте так как при входе в дом обязательно снимают обувь. В жилых комнатах деревянные полы красят или покрывают линолеумом. Распространены матерчатые и ковровые дорожки. Большой любовью пользуются среднеазиатские ковры — кошмы, которыми корейцы дополняют интерьер жилых комнат. В то же время изготовляемые корейцами соломенные циновки пользуются широким спросом у узбеков, казахов и таджиков. Дома как правило электрофицированы и газифицированы, в них проведен водопровод.

Многие корейские колхозы превратились в настоящие социалистические сельскохозяйственные агрогорода с асфальтированными улицами, благоустроенными домами, магазинами, больницами, дворцами культуры, домами бракосочетания, гостиницами. Не случайно, советский писатель Валентин Овечкин, неоднократно бывавший в колхозе «Политотдел», и мечтавший создать о нем специальную работу⁶, писал одному из своих друзей: «Политотдел» — это уже настоящий сельскохозяйственный город. Это даже слабо сказано. Далеко не в каждом рабочем поселке или городе найдешь такой материальный уровень, культуру быта и производства, такую жизнь, как в этом колхозе. И такие могут, должны стать все хозяйства»⁷.

В наши дни в колхозе «Политотдел» восемь школ, медицинский городок, десять детских садов и яслей, Дворец культуры, кинотеатр, че-

⁶ А. Т. Твардовский. Валентин Овечкин. — В кн. А. Твардовский. О литературе. М., 1973, с. 244.

⁷ «Неделя», № 8 (728), 1974, с. 13.

Рис. 2. В детском саду колхоза «Политотдел»

тыре клуба, торговый центр, много магазинов, столовые, ресторан, гостиница, Дом отдыха. Особенно хочется отметить, что в декоре отдельных общественных зданий подчеркивается и воспевается идея дружбы народов. Так, например, интересно решены скульптурные группы, венчающие фронтон Дворца культуры (центральная усадьба): в центре стоят три фигуры — корейка, узбек и русский в национальных костюмах; справа — скульптура, изображающая узбека, бьющего в бубен; слева — корейка в национальном костюме перебирает струны каягыма. В новой большой гостинице ряд комнат оборудован в стиле национального интерьера.

Культурные контакты корейцев Средней Азии и Казахстана нашли свое отражение и в одежде. Здесь прежде всего необходимо отметить влияние общесоветской городской культуры. В наши дни и в сельской местности, и в городах корейцы носят модную современную одежду, покупную или сшитую из покупных тканей. Молодые женщины и девушки носят штапельные, шелковые и шерстяные платья модных фасонов. Детям школьного возраста покупается форменная одежда. В то же время в сельской местности под влиянием узбеков и таджиков корейки носят платья узбекского покроя. Большим спросом пользуются шелковые ткани с национальным узбекским орнаментом. Девочки школьного возраста часто носят под платьем длинные шальвары.

Вместе с тем во многих семьях сохраняются отдельные предметы корейского национального костюма. Женщины пожилого возраста обычно носят корейскую юбку — *чхима* и кофту — *чогори*. Широко бытует корейская безрукавка *тынгори*, которую носят и мужчины и женщины. Правда теперь на тынгори появились накладные карманы и фабричные пуговицы. Национальный костюм женщины надевают в дни больших семейных праздников: в день празднования первой годовщины со дня рождения ребенка, во время свадьбы, в день 60-летия.

Рис. 3. На перемене в средней школе колхоза «Политотдел»

Большинство кореенок носят длинные волосы, девушки заплетают две косы, молодые и пожилые женщины делают пучок. В последнее время, однако, распространились современные короткие стрижки. В отличие от узбечек, таджичек, казашек молодые кореянки обычно ходят с открытой головой. Только во время работы в поле покрывают голову платком, завязанным сзади; в зимнее время (под влиянием русских) распространено ношение вязаных пуховых и шерстяных платков.

Мужчины отдают предпочтение фетровым и соломенным шляпам современных фасонов, распространены фуражки и кепи. Во время работы в поле покрывают голову от солнца большими 6-8-гранными корейскими соломенными шляпами — *кат*.

За прошедшие десятилетия, в результате тесного повседневного общения с соседними народами значительно расширился состав пищи корейцев Средней Азии и Казахстана. Как известно, традиционная корейская пища отличается большим своеобразием. До настоящего времени сваренный без соли рис — *пал*, подается к столу три раза в день. Обычной приправой к рису служат *чан* — кашцеобразное блюдо из сои — или *канчан* — жидкая соя, а также различные соленья и ма-

ринады — *кимхчи*. Кимхчи готовят из лука, капусты, помидор, огурцов, дынь. Из овощей (капусты, моркови, картофеля, баклажан и др.) корейские хозяйки готовят и горячие острые блюда — *чхэ*. Разнообразен ассортимент блюд из кур. В отличие от многих народов Средней Азии и Казахстана корейцы широко употребляют в пищу свинину. Большой любовью пользуется *куксу* — вид корейской лапши, приготовляемой из пресного теста, которую подают к столу в мясном бульоне, куда добавляют также куски мяса. Из других кушаний наиболее распространено *хве* — блюдо, приготовленное из сырой рыбы или мяса.

Сейчас в пищевой рацион корейцев все больше входят хлеб, молочные продукты, масло, в прошлом отсутствовавшие в питании корейцев. Хлеб, наряду с рисом, в наши дни подается к столу к каждому приему пищи. Корейцы, проживающие в Средней Азии и Казахстане, под несомненным влиянием местного населения, стали пить много чая⁸. Спросом пользуется и зеленый, и черный чай. Подобно узбекам и казахам, корейцы пьют чай перед началом еды. На повседневном и праздничном столе корейцев можно видеть плов, шурпу, куксу с бараниной. Употребляют корейцы и узбекские лепешки. Более того, названия некоторых среднеазиатских блюд вошли в словарный состав языка советских корейцев⁹. Например, такие слова как «плов», «самса», «манты» и др. В то же время во многих узбекских и казахских семьях начинают по корейскому рецепту готовить кимхчи и куксу.

Современная материальная культура корейцев Средней Азии и Казахстана свидетельствует о трех основных направлениях ее развития: сохранение традиционных компонентов (вид отопления жилища в сельской местности; праздничная и обрядовая одежда женщин; состав пищи и режим питания); широкое усвоение общесоветской городской культуры, обычно воспринимаемой корейцами как русской; восприятие отдельных элементов материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Особо необходимо отметить, что, сохраняя и развивая национальные традиции, корейцы вносят свой вклад в обогащение общесоветской культуры. В сфере материальной культуры это проявляется в популярности некоторых видов корейской ремесленной продукции (например, циновок), отдельных блюд национальной корейской кухни (куксу, кимхчи) и т. д.

Семейная обрядность корейцев Средней Азии и Казахстана также характеризуется сочетанием новых и традиционных элементов¹⁰. По-прежнему считается, что в жизни каждого человека есть три главных праздника, или, как говорят корейцы, «три праздничных стола»: день, когда ребенку исполняется один год; свадьба и празднование шестидесятилетнего юбилея¹¹. Эти важнейшие в жизни каждого человека события отмечаются очень торжественно.

Вот например, как протекала одна из центральных церемоний современного свадебного обряда — торжество в доме жениха, которое мы наблюдали в 1967 г. в колхозе имени Димитрова Ташкентской области¹².

⁸ Жители Кореи в отличие от китайцев и японцев в прошлом почти совсем не употребляли чая.

⁹ Подробнее об этом см.: О. М. Ким. О языке корейцев СССР (к постановке вопроса). — «Научные труды Среднеазиатского государственного университета», вып. 202. Ташкент, 1962, с. 92.

¹⁰ Подробнее см.: Р. Ш. Джарылгасинова. Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

¹¹ Подобно многим народам Восточной и Юго-Восточной Азии, корейцы придерживались шестидесятилетнего цикла летосчисления. У корейцев Средней Азии и Казахстана эта система сохраняется только в семейной обрядности.

¹² «Полевые записи автора». Ташкентская обл. Узб. ССР, колхоз имени Димитрова, 1967 г., сентябрь.

Рано утром жених, в сопровождении родственников уехал за невестой. За праздничным столом в доме невесты помимо корейцев были русские, узбеки, татары. После недолгого застолья невеста и сопровождающие ее родственники (*уссиккун*) сели в машину (родители невесты остались дома). Жених и его родственники поехали в другой машине. А в это время в доме жениха собралась его родня, заканчивались последние приготовления. Когда «поезд» с невестой приблизился к дому жениха, его родственники (но без родителей) шумной, веселой толпой вышли навстречу. Украшенная цветами машина, в которой сидела невеста остановилась. Старший из родственников невесты (*кхын уссиккун*) стал требовать выкупа, отказываясь ехать дальше, так как якобы дорога очень неудобная. В ответ родственники жениха стали его задабривать; поднесли угощение (маленький корейский стол, уставленный яствами) пытались вычерпать воду из лужи на дороге... Тогда машина немного продвинулась вперед. Старшему родственнику снова и снова подносили столы с угощениями. Наконец, родственники жениха принесли мешок, наполненный рисом (символ богатства), и положили его у дверцы машины, чтобы невеста могла, выходя, ступить на него. От машины до дома расстелили огромные отрезы шелковой ткани. Это «дорога невесты», но считается, что бережливая девушка не будет ступать по ней, а аккуратно пройдет рядом. А вот и невеста; она одета в белое платье, поверх накинута красная кофта (сочетание цветов, характерное для традиционного корейского костюма невесты), волосы уложены в высокую прическу. Пока невеста шла от машины к дому, одна из ее родственниц отдала матери жениха завернутое в материал зеркало (символ будущей покорности невестки). В дом внесли приданое невесты: одеяла, подушки, свертки с подарками родственникам жениха.

Тут жених подошел к невесте и повел ее к столу. Они сели вдвоем во главе стола. Праздничный стол с угощениями был установлен в саду. Перед женихом и невестой поставили вареного петуха, украшенного разноцветными бумажными полосками, с красным перцем в клюве. За спиной молодых повесили ковер.

Первое слово сказал жених, который поблагодарил своих родителей за все, что они сделали для него и с глубоким поклоном поднес им первую рюмку. Затем жених обратился со словами благодарности к близким родственникам и гостям. Только после этих благодарственных приветствий выбрали томаду (*хэча*), который стал руководить застольем. По просьбе томады жених и невеста по очереди исполнили свои любимые песни. За столом молодым кричали «горько». Почти все присутствовавшие пели для молодых песни.

Родители жениха за стол не садились. Рядом с женихом сидели родственники невесты. Праздничный вечер закончился танцами. На свадьбу приехало много родственников не только из Ташкента и Ташкентской области, но и из Джамбула и Алма-Аты.

В этой свадьбе наряду с традиционными элементами уже много черт, характерных для общесоветской обрядности: жених и невеста вместе сидят за столом, принимают поздравления; появился обычай кричать «горько» молодым.

В крупных корейских колхозах построены Дворцы бракосочетания. На свадьбах, которые празднуются в них, обычно присутствуют родители и жениха, и невесты, а застолье проводится сразу же после торжественной регистрации брака. Но и эти свадебные пиршества обязательно начинаются с благодарственных слов жениха, обращенных к родителям. Им жених преподносит первую рюмку¹³.

По-прежнему торжественно празднуется шестидесятилетие каждого человека. Сейчас на этих праздниках не только отмечается, что сделал

¹³ «Полевые записи автора», колхоз «Политотдел», 1967 г., сентябрь — октябрь.

тот или иной юбилар для своей семьи, но и подчеркиваются его заслуги в трудовой и общественной деятельности. Поэтому на такие праздники обычно приходят коллеги по работе, члены правления колхоза.

Все больше входят в жизнь такие общественно-семейные праздники как вручение первого паспорта, проводы в армию и другие.

Среди корейского населения до сих пор сохранились традиционные календарные праздники. Во многих семьях отмечают наступление Нового года по лунному календарю (обычно в конце февраля — начале марта), начало лета — *тано* (5-го мая), весенний и осенний праздники *хансик* и *чунсик*, во время которых поминают усопших, посещают кладбища, убирают могилы. Наиболее стойко эти праздники сохраняются в тех семьях, где есть старики.

Настоящими массовыми торжествами являются празднование годовщины Великой Октябрьской революции и Первого мая. В их проведении проявляются общесоветские традиции. На праздничных концертах часто выступают коллективы художественной самодеятельности.

Для корейцев характерны богатые традиции песенно-танцевального народного творчества. Считается, что каждый человек умеет и любит петь. Без песни не проходит ни одно семейное торжество, ни один праздник. Наряду с современными песнями, любят петь старинные корейские песни, такие как «Ариран» (наименование легендарной горы), «Кукушка», «Пряха» и другие. Во многих семьях хранятся корейские национальные музыкальные инструменты; прежде всего барабаны и флейты.

Народные таланты широко проявляют себя в художественной самодеятельности. Так, например, еще в начале 1960-х гг. в колхозе имени Димитрова был создан Народный ансамбль песни и танца под руководством Ан Ен Дюна и Пак Чер Суна. В сентябре 1964 г. этот ансамбль с успехом выступал на сцене Кремлевского Дворца съездов в Москве. В репертуаре ансамбля корейские народные танцы: танец с барабанами, танец с веерами, танец с зонтиками. Одна из программ этого народного коллектива «Праздник в колхозе», наряду с корейскими песнями и танцами, включает узбекские, таджикские, казахские, русские танцы.

Разнообразно и богато фольклорное наследие корейцев. Каждому случаю жизни соответствуют своя пословица, поговорка, примета. Так, например, считается, что «чем раньше (в течение дня) начнут празднование первого дня рождения ребенка, тем скорее юноша женится, а девушка выйдет замуж»¹⁴. И взрослые и дети любят рассказывать и слушать сказки. Собиратели и исследователи сказок корейцев Средней Азии и Казахстана (В. П. Пак, А. Н. Ли) отмечают богатство жанров этого вида корейского фольклора. До сих пор широко бытуют волшебные и бытовые сказки, сказки о животных, сказки-предания о легендарных и исторических героях.

Корейцы Средней Азии и Казахстана в своей основной массе двуязычны или трехязычны. Для подавляющего большинства родным языком является корейский. В районах компактного расселения корейцев в школах преподается корейский язык. Преподавателей корейского языка для таких школ готовит Ташкентский пединститут. На корейском языке издается с 1938 г. газета «Ленин кичхи» («Ленинское знамя»), которая с 1960 г. является межреспубликанской (г. Алма-Ата).

Многие корейцы выписывают выходящие в Москве на корейском языке журналы «Советская женщина» и «Советский Союз»; регулярно

¹⁴ «Полевые записки автора», Самаркандская обл., Уз. ССР, поселок Чархин, 1961 г., сентябрь — октябрь.

Рис. 4. Народная артистка Казахской ССР Ли Хам Дек исполняет национальный корейский танец с барабаном

слушают передачи на корейском языке, транслируемые радиовещанием Москвы, Ташкента, Алма-Аты.

В жизни корейского населения Средней Азии и Казахстана все большую роль играет русский язык. Можно без преувеличения сказать, что почти все корейцы за исключением глубоких стариков и детей дошкольного возраста знают русский язык. Корейские дети, как правило, обучаются в русских школах. Данные переписи 1970 года свидетельствуют о том, что для значительной части корейцев русский язык сегодня является родным. Причем, число лиц корейского происхождения, считающих русский язык родным, значительно больше в городе, чем в сельской местности.

Этнографические наблюдения говорят о том, что большинство представителей среднего и младшего поколений свободно владеют разговорным узбекским или казахским языками, которые они изучают в средней школе. Часто можно наблюдать, как корейцы в разговоре быстро переходят с одного

языка на другой. Многолетняя совместная работа и жизнь способствуют тому, что и узбеки, и казахи в некоторых местностях овладевают разговорным корейским языком.

Этнолингвистические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана нашли свое отражение и в их антропонимии. Изменения происходят как в составе именника, так и в структуре антропонимической модели¹⁵.

Среди корейцев значительна прослойка сельской интеллигенции (агрономы, врачи, учителя, бухгалтеры, работники связи). Только в колхозе «Политотдел» 187 специалистов с высшим образованием — все они выходцы из колхоза. Все механизаторы имеют среднее образование.

Очень высок среди корейцев процент людей со средним и высшим образованием. Многие из них трудятся в институтах Академий наук союзных республик; преподают в университетах и высших учебных заведениях, имеют ученые степени и звания.

За годы Советской власти появилось много советских корейских писателей, поэтов, драматургов. В настоящее время свыше пятидесяти писателей-профессионалов пишут на корейском языке. Многие из них являются членами Союза писателей СССР и других творческих организаций нашей страны. Их сочинения, а также произведения корейской классической литературы издаются на корейском языке в Москве, Таш-

¹⁵ Р. Ш. Джарылгасинова. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана. — «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, с. 139—149.

Рис. 5. Герой Социалистического труда Любовь Ли беседует со старейшими колхозниками колхоза «Политотдел»

кенте, Алма-Ате, Кызыл-Орде, на Дальнем Востоке и на Сахалине. Советская корейская литература отличается богатством жанров.

В культурной жизни корейцев Средней Азии и Казахстана важное место занимает Государственный республиканский корейский театр, созданный в 1932 г. и находящийся в настоящее время в г. Алма-Ате. Театр ставит пьесы на корейском языке. За свою 45-летнюю историю театр осуществил более 100 постановок. В его репертуаре значительное место занимают корейские классические музыкальные драмы «Чхун Хян чон» («Сказание о девушке Чхун Хян»), «Сим Чон чон» («Сказание о девушке Сим Чон»), «Хынбу и Нольбу», «Янбан чон» («Сказание о янбане»), а также пьесы современных советских корейских драматургов. В театре идут также в переводе на корейский язык пьесы советских драматургов других национальностей — русских, украинских, казахских, киргизских и др. и произведения русской и западноевропейской классики.

Одним из основателей театра и его многолетним руководителем является Заслуженный деятель Казахской ССР, член Союза писателей СССР, драматург и режиссер — Цай Ен. В коллективе трудились и трудятся такие прославленные мастера сцены как Народная артистка Казахской ССР, депутат Алма-Атинского городского Совета — Ли Хам Дек, Народный артист Казахской ССР — Ким Чин, заслуженный артист Казахской ССР, главный художник театра Г. М. Кан. Ежегодно в колхозах Средней Азии и Казахстана в течение 4—5 месяцев гастролируют драматическая и эстрадно-концертная группы театра.

В репертуаре концертной группы театра, которая обслуживает корейские колхозы, наряду с корейскими народными песнями и танцами широко представлены песни и танцы народов Советского Союза. Многие выступления концертной группы идут на русском языке.

Широкой популярностью пользуются корейские вокально-инструментальные ансамбли «Ариран» (1968), «Каягым» (1968), а также,

коллективы художественной самодеятельности колхоза имени Димитрова, народного театра колхоза «Полярная звезда».

Среди корейской молодежи особой любовью пользуются занятия современными видами спорта. В колхозе «Политотдел» создан большой спортивный комплекс. Во многих других колхозах построены стадионы. На Всесоюзных соревнованиях успешно выступает футбольная команда «Политотдел». На XXI Летних Олимпийских играх три золотых медали принесла советской команде девятнадцатилетняя гимнастка из г. Чимкента (Казахская ССР) — Нелли Ким.

Наряду с представителями других народов Советского Союза корейцы избираются в высшие органы Советской власти и активно участвуют в их работе. Дважды (в 1962 и 1966 гг.) избиралась депутатом Верховного Совета СССР бригадир колхоза «Политотдел», Герой Социалистического Труда — Любовь Ли.

Депутатом Верховного Совета СССР Восьмого (1970) и Девятого (1974 г.) созывов является Анатолий Кан — колхозник колхоза «Правда» Ташкентской области Узбекской ССР.

Многие корейцы являются депутатами Верховных Советов Узбекской ССР, Казахской ССР, а также краевых, областных, городских, районных Советов депутатов трудящихся.

Современный быт, материальная и духовная культура корейцев Средней Азии и Казахстана представляют собой сплав национальных традиций, общесоветской культуры и элементов, воспринятых из богатого наследия среднеазиатских народов.

Ethnography of the Peoples of the USSR

“K voprosu o kul’turnom sblizhenii koreitsev
Uzbekskoi SSR s sosednimi narodami
(Traditsionnoe i novoe khoziaistvo i
material’noi kul’ture),”

Sovetskaia etnografiia, 1966, No. 5, pp. 3-14

R. Sh. Djarylgasinova

ON THE QUESTION OF CULTURAL CONVERGENCE OF THE KOREANS

OF THE UZBEK SSR WITH NEIGHBORING PEOPLES

(The Traditional and the New in the Economy and Material Culture)

According to the 1959 census, there were 314,000 Koreans living in the Soviet Union. The majority of them live in Central Asia and Kazakhstan. According to the same census, there were 138,500 Koreans in the Uzbek SSR, or 1.7% of the population of that republic, while in the Kazakh SSR there were 74,000, or 0.8% of the total population. In the other Central Asian republics the number of Koreans was not large: 3,600 in the Kirgiz SSR, 2,400 in the Tadzhik, and 1,900 in the Turkmen. Many Koreans (about 91,000) live in the RSFSR, primarily in Khabarovsk Krai and on Sakhalin Island.

The Koreans call themselves Koryosar (people of the land of Koryo).

The Koreans are the most recent ethnic component among the multinational population of Central Asia and Kazakhstan. The first Korean families arrived here in the mid-1920s. In 1924, the first Korean agricultural producers' cooperative [artel] was established near Tashkent. (1) Today Koreans live in compact groups around the city of Tashkent (96,155 persons), and in

Alma-Ata (20,502) and Kzyl-Orda (14,300) oblasts of the Kazakh SSR.

M. G. Levin was the founder of anthropological and ethnographic study of the Koreans of Central Asia and Kazakhstan. In 1946, under his guidance, the Central Asian Anthropological Expedition studied some 700 Koreans living in rural areas near the cities of Samarkand, Tashkent, and Kzyl-Orda. The data and conclusions arrived at by the expedition were published by Levin in a brief but very interesting article, “The Koreans as an Anthropological Type” [Antropologicheskii tip koreitsev]. (2)

In conjunction with the preparation by a team from the Institute of Ethnography of the multivolume series Peoples of the World [Narody mira], particularly the volumes Peoples of Central Asia and Kazakhstan [Narody Srednei Azii i Kazakhstana], the Central Asian Ethnographic Expedition conducted field work among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan in 1957 and 1959. First to be surveyed were the areas of compact Korean settlement: Tashkent,

Kzyl-Orda, Fergana, and Taldy-Kurgan oblasts; the cities of Tashkent, Kzyl-Orda, and Fergana; and also raions where Koreans live interspersed with other Central Asian peoples — Kungrad Raion of the Karakalpak ASSR and, somewhat later (in 1961), Past-Dargom Raion of Samar-kand Oblast. The data of these investigations were published in part as individual articles (3) and became the basis for the section “The Koreans” [Koreitsy] (by Iu. V. Ionova) in the volume Peoples of Central Asia and Kazakhstan.

In 1962, V. Pak, a research associate of the Institute of the Peoples of Asia, Academy of Sciences, USSR, began a systematic study of the folklore of the Koreans of Central Asia and Kazakhstan. With this object, he conducted expeditions to Alma-Ata Oblast in 1962 and to Kzyl-Orda Oblast in 1963. Pak collected and processed over 100 tales, some of which were published in the collection Korean Tales [Koreiskie skazki]. (4) O. M. Kim carried out interesting and important studies of the language of the Koreans of Central Asia and Kazakhstan. The results of her observations of the linguistic processes presently occurring in the Korean language have been published in a number of articles. (5) She succeeded in demonstrating convincingly the degree of mutual influence and interaction between the Korean language and the languages of neighboring peoples (primarily Russian and Uzbek).

Those were the first steps taken in the ethnographic study of the Koreans of Central Asia and Kazakhstan. However, the historical destiny, distinctive features of language, material and nonmaterial culture, and the specifics of population distribution and the nature of ethnic processes in the Korean population have still not been adequately dealt with in the literature.

* * *

The triumph of the Great October Socialist Revolution opened up to all the peoples of the Soviet Union a new stage in their national and ethnic development.

Tremendous changes occurred in the life of the Koreans of the Soviet Union — the Soviet Koreans. (6)

The principal elements of the Korean national culture took shape over the course of several thousand years. They were influenced by the diverse ethnic components entering into the ethnogenesis of the Korean people, by socioeconomic and political history, and also by the geographical environment. In the middle of the 19th century, when the first groups of Korean peasants began to move to the Russian Far East, (7) differences in culture, mode of life, and language among the inhabitants of the various provinces and regions of Korea itself were still significant. Although the bulk came from the northern provinces, a large number also arrived by sea from the southern districts of Korea. (8) This placed a distinctive imprint upon the ethnic processes occurring among the Koreans who had associated their fate with Russia's. Inasmuch as that question has as yet not been studied at all on either the historical or the ethnographic plane, I should like to direct attention to that factor and to emphasize that the disappearance of local features from the daily lives and culture of groups from different regions and provinces of Korea played a role of considerable importance in shaping the ethnic unity of Soviet Koreans. It is of interest to note that Pak recorded the existence of differences in dialect, persisting to the present day, between the descendants of persons from Hamgyong Pukto and P'youngan Pukto provinces, and even from different counties in the northern provinces. (9)

At the same time, during the residence of the Koreans in the Russian Far East, their convergence with the Russian population began. Study of the Russian language and the adoption of various elements of Russian urban life proceeded most intensely among Koreans living in towns and adjacent settlements.

After the migration of the Koreans to the territory of Central Asia and Kazakhstan, a process of convergence with the neighboring peoples began. At first the Russian language, which they had learned during the period of residence in the Soviet Far East, was the medium of contact with the local population for the Koreans, who until then had had no association with the Central Asian historico-ethnographic region.

Today there are three major tendencies in the ethnic development of the Koreans of Central Asia and Kazakhstan. The first is continued development of national traditions, the second is further adoption of the Russian language and Russian culture (in the broad sense of the term), and the third is assimilation of various elements of the Central Asian mode of life.

At the present stage, each of these tendencies, having its historical roots, is progressing at its own rate and is manifesting itself in diverse ways in the material and intellectual culture of the Soviet Koreans.

* * *

Let us attempt to examine the manifestations and interaction of these trends, taking as our subject of study a small group of Koreans living in Samarkand Oblast of the Uzbek SSR. The choice of this area as our sample is not accidental. Samarkand Oblast is very complex in ethnic composition. Not only Uzbeks and Tadzhiks but Russians and Ukrainians, Kazakhs and Kirgiz, Azerbaidjanis and Armenians, Jews, and Tatars live there. A study of the Koreans living here in intimate contact with the neighboring peoples provides an interesting picture of the mutual influence and interpenetration of the cultures of various peoples and ethnic groups. (10) There are 3,449 Koreans in the cities of Samarkand Oblast, while 3,618 live in rural areas.

Among the Koreans of Lower Dargom, Samarkand Oblast, the families of workers and white-collar people constitute a considerable portion. The heads and members of those families work in locally managed industry (the Biokombinat, the Superphosphate Works), on state farms, and in the government and party apparatus.

Among the Koreans there are a considerable number of rural professional people (teachers, physicians, agronomists, engineers) and of people with secondary and specialized technical education (mechanics, bookkeepers, machinists, truck drivers).

Many Korean families live in the cities of Samarkand and Dzhum, and in Charkhin urban settlement.

The Koreans of Lower Dargom are, for the

most part, trilingual. Their mother tongue is Korean. At home and at work, when those around them understand Korean, their language of daily life is Korean or, to be more exact, one of its folk dialects.

In Korean families one finds literature in the Korean language and the works of Korean poets and writers. The verses of Kim Sakkat are particularly well liked. (11) Many know them by heart. Virtually every family subscribes to the newspaper Lenin kichkhi [The Banner of Lenin], published in Kzyl-Orda in Korean. Broadcasts for Koreans from the Tashkent station are heard regularly.

Study of the nonmaterial culture of the Korean population of the Middle Zeravshan Valley permits the conclusion that there is a rich heritage of folklore. The everyday language of the Koreans is full of all sorts of proverbs and folk sayings. There is a folk sign for every event in life. "If the magpie chatters in the morning, guests will come."* (a) "If a spider swings overhead, a relative will come."* "He who loves tales lives poorly."* "The earlier (in the day — R.D.) a child's birthday celebration begins, the sooner that girl will find a husband (or that boy, a wife)."*

In the evenings both children and adults love to listen to and tell stories. Animal tales are particularly popular.

The Korean language is not taught in the secondary schools of Lower Dargom since the Korean population is dispersed among other nationalities. Because of conditions specific to that district, the functions of the Korean language are confined to the sphere of local production and family life.

Most people of the middle and younger generation have a fluent command of conversational Uzbek, which they study in secondary school. One often hears Koreans switching quickly from one language to another in conversation. The fact that they work and live together facilitates the mastery of conversational Korean by the Uzbek population in some places. Thus, on the Lenin Collective Farm, where a considerable number of Korean families lived until recently, many Uzbeks have a good knowledge of

conversational Korean, having grown up, studied, and worked side by side with Koreans.

All Koreans, except for the very old and pre-school children, have a good knowledge of Russian. As a general rule, Korean children go to Russian schools. Russian has become the Koreans' second native tongue. In addition, the Korean language shows the influence of Russian in the realm of vocabulary, terminology, and syntax.

It is in the sphere of material production that fraternal collaboration, mutual aid, and the cohesion and convergence of nations are occurring with greatest intensity.

In the agriculture of Lower Dargom, the Koreans engage in rice-growing. Since the appearance of Korean families in Lower Dargom, the share of rice in the economy of the Middle Zeravshan Valley has increased considerably (although the former Daul' Volost and the adjacent flood-plain districts have long been known as centers of rice cultivation).

Under Central Asian conditions, the Korean rice farmers play the honorable and important role of pioneers in opening virgin lands. When virgin soil is broken in Central Asia, irrigated rice is planted first in order to desalinate the soil. Then *Sorghum cernuum* [dzhugara] is grown to destroy weeds. Only thereafter, when several years have passed, is the land regarded as suitable for cotton-growing.

In most of the collective farms of the oblast under discussion, rice-growing teams have been established, in which Koreans work alongside people of other nationalities. Thus, in the "Communism" Collective Farm of Past-Dargom Raion, the rice-growing team headed by the Korean Pak Gim Sek, who has been awarded the Order of the Red Banner of Labor, was, in 1961, part of a feed-crop brigade headed by a man of Uzbek nationality.

The rice fields of the "Communism" Collective Farm are in the Balatash portion of the Kara-Dar'ia floodplain and are irrigated by its waters. In 1961, the total area of the fields planted to rice was 30 hectares, of which 18 hectares were being cultivated for the first time. An irrigation ditch [aryk] about 800 meters long had been dug

to irrigate the newly planted virgin soil. The opening of new lands for rice plantings testifies to the growing role of this crop in the operation of the collective farm.

In the Middle Zeravshan Valley, the agricultural cycle of rice culture begins in February. It is during that period that the work of cleaning the aryks is done. Where land is being newly put to the plow, trees and brush are uprooted and cut down, and the grass is burnt off. After plowing, which is done by tractor, the hoe is used to make small checks — paly — between the check plots. The most experienced rice-growers supervise the work to make sure that the area in each check plot is as level as possible and that the ridges correspond to the microtopography. At the end of April, water is first let onto the fields. During that period, two or three persons are assigned to help the water-master [mirab], upon the skill of whose work the entire crop is dependent. In order to warm the water in the check plots, the apertures — water-entry windows — in the first three or four ridges are cut on the diagonal. The water flows more slowly in them.

The local mirabs say that the water of the Kara-Dar'ia is warm. Therefore the rice matures more quickly on the lands irrigated by river water. It stays green longer on fields irrigated with spring water.

After irrigation, the soil beneath the water is flattened once again with a special board, the ponchi. Planting starts at the beginning of May. This is done by hand, the moistened and sprouted seeds being cast on the basis of 1.5 kg per hundredth of a hectare. The sower carries the seeds in a pail hung from his neck. (12) Before the grains are cast, the water in the check plots is muddied with the ponchi. When the silt settles, it covers the seed, and this takes the place of covering by hand.*

In the Middle Zeravshan Valley, the Koreans raise Këndzho rice nos. 0.7, 0.5, 0.70, and 0.270. They brought Këndzho nos. 0.7 and 0.5 with them from the Far East. They also brought a special grade of rice, chkhal'-pe, which goes to prepare the national dish, chkhal'ttok (steamed rice).

Fig. 1. In a field camp.

The rice sprouts make their appearance 15 to 20 days after planting. One of the most laborious operations in the rice-growing cycle — weeding — starts at the beginning of June. Standing knee-deep in water under the blazing sun and bending down right to the ground, the collective farmers remove the weeds from the fields. Weeding continues until the end of July. The land is usually fertilized twice between June 15 and June 25 to improve stalk growth, and on July 25 to cause rapid heading. In mid-September the water is turned off, and after three or four days, when the soil has dried, preparations are begun for the harvest. The rice is reaped with Korean sickles called nat. The cut rice is bound into sheaves and stacked on the irrigation checks. Threshing is usually by combine. If hand threshing is done, special low clay or stone tables, tetol', against which the sheaves are flailed, are placed on the threshing floor.

During the work in the rice fields, the duties of all members of the team are defined precisely. Each knows his work-place. Motions are precise and rhythmical, resulting in a higher speed and quality of work. (13)

The straw remaining after the threshing is stacked and hauled off to the livestock farms. The land is prepared for plowing. This requires that the cross-checks — paly — be taken down. All work in the rice fields usually ends by November.

The hulling of the rice is done at mechanized rice-mills belonging to the collective farms.

These, too, are operated, as a general rule, by Koreans.

Despite the extensive employment of machinery (tractors, landshapers, threshers, grain-cleaning machinery, and rice-mills), rice remains a very labor-intensive crop. Thus far no means has been found to mechanize such processes as planing the check plots before the water is let in, dividing the water flow, planting, weeding, and harvesting. For some of these operations the Koreans employ their ethnic tools (sickles — nat — of various sizes; hoes — khomi; hullers — pai; and others), as well as Central Asian implements (the strong ketman hoe, shovels, sickles). These same farm tools are also widely used to work the family's household garden, which the Koreans employ to raise grapes, peaches, apples, apricots for drying, cherries, corn, eggplant, cabbage, kale, soya, broad beans, peppers, dill, garlic, cucumbers, tomatoes, muskmelons, watermelons, potatoes, sunflowers, and much else.

In preparing the soil of their household gardens, the Koreans make it into beds. Although the Koreans are themselves splendid gardeners, they often turn to Uzbeks for help and advice. Thus, in the fall every Korean family seeks the services of an experienced Uzbek grape-grower to prune and cover the vines.

In addition to their household gardens, Korean families have plots, usually located near the rice fields, which they use to grow rice. The second private plot is a privilege which the Koreans are granted by the government for opening virgin soil.

Among household crafts, the weaving of mats and hats persists. Korean mats enjoy a deserved reputation and are widely used in the household life of the Uzbeks and Tadjiks.

Their work together, and the many years of life — in a single district — on the part of Uzbeks, Tadjiks, Russians, Koreans, and other peoples, make for a rapid process of mutual influence and interpenetration of cultures. This is manifested with particular vividness in the field of material culture.

The dwellings of the Koreans in the Middle Zeravshan Valley resemble urban houses. The

homes are usually built by construction teams consisting primarily of Uzbeks and Tatars. The Koreans rarely engage in building themselves. They often buy homes built by Russians.

Most of the houses surveyed are of three or four rooms, of clay construction. They usually open onto the street. The household gardens are surrounded by high clay fences.

Today two types of dwellings may be distinguished. But it must be noted at the outset that, in both cases, the discussion is of "urban" homes. The first type is the home with the Korean heating arrangement, the kudur, while the second type of house is characterized by the absence of this feature.

The kudur, or "warm floor," is a very ancient and distinctive Korean form of heating system. In design it differs both from the Chinese k'ang and from the heated nary [sleeping benches] of the Tungus and Manchu peoples. The first references in chronicles to the Koreans' "heated floor" dates to the first centuries C. E.

The basic principle of the kudur is the following. Three or five header ducts lead from the combustion chamber of the stove, which is considerably below the floor level of the room. From each of these, smaller pipes, or simple depressions on the bottom of the masonry foundation, run under the floor. Hot air flows through these ducts or depressions. At the rear wall of the room, all the ducts are joined together into an exit channel. A venting pit is dug in the ground ahead of the chimney exit onto the street. The outlet pipe of the exit channel is placed at some distance from the house. Today, however, it is common for the exit channel to be connected with the chimney of the Russian or Dutch stove used to heat the other rooms.

The combining of the exit channel of the kudur and the chimney of the Russian flat-top cook stove is a distinctive innovation in the design of this ethnic heating system. It assists in heating adjacent rooms and diminishes the danger of fires. However, this is not the only change in heating design. Whereas earlier, when they lived in the Far East, the Koreans made the kudur chimneys of stone, today brick is invariably used. There has also been a change in the

external appearance of the portion of the kudur lying over the combustion chamber itself, which serves as the place where food is prepared. In the past, iron pots, called kama, were plastered into place there, usually one large or two small. Today this portion of the kudur is arranged like a Russian flat-top cook stove, so that it is possible to prepare food not only in pots but in modern aluminum and enamel vessels.

The kudur is sometimes built by the master of the house, and sometimes by a specialist Korean craftsman from a construction team. The building of a kudur is a high art, and master craftsmen are held in high esteem.

The Uzbeks and Tadjiks know about the Korean heating system. According to informants, Uzbeks sometimes ask Koreans to build a kudur in their homes.

The presence or absence of a kudur in a home has a vast influence upon the entire way of life of a Korean family. If the house has a kudur, the room with the heated floor becomes a kind of center, in which the entire life of the family takes place, regardless of the existence of other rooms. Here the old folk spend their leisure time, the housewife cooks, dinner is eaten, guests received, and the family sleeps here, placing thin mattresses over mats, while elongated pillows, pege, are placed beneath the head. This is where the radio or TV is placed. It is in this room that the school-age children do their lessons and the children play. Usually the room contains no furniture other than a small chest for dishware. Sleeping appurtenances are stacked in piles along the walls (blankets, pillows, mattresses, and sometimes suitcases). The floor is kept very clean, and shoes must be removed upon entering the house.

The other rooms in the house, which have not only Korean but Russian designations — "living room," "bedroom," "children's room" — are furnished with urban furniture.

Here, for example, is the manner in which the house of Tsoi Sen Su, (14) a collective farmer of the "Communism" Collective Farm of Past-Dargom Raion, was furnished. In 1961, his family consisted of four persons: his wife and two daughters, both in the upper grades. The

house had been bought from an Uzbek family and initially had no kudur. (15)

The house consisted of a kitchen, a children's room, a living room, a bedroom, and a vestibule. In the kitchen there was a kitchen table, at which the family usually took dinner, a bed for the parents, a small table with primus and kerosene stoves, and a shelf with kitchen utensils along the wall. The Russian stove took up a lot of room. A washbasin, a shelf for toilet articles, and a hook for towels hung on one wall of the vestibule. In the children's room were two nickel-plated beds for the daughters. There were spreads of print material over the beds. The girls had a special table to do their lessons; on it, textbooks and other books lay in piles. In the largest room, the living room, there was a divan with a dust-cover and numerous embroidered pillows. In the corner was a large cheval glass. A small table for the radio, a sewing machine, several chairs with dust-covers, and a bookcase were between the windows. In the bedroom, set aside for a son and his family living in Leninabad, when they visited, there was a wardrobe with mirror, beds for children and adults, and a small table for toilet articles.

With some variants, similar arrangements are characteristic of all Korean homes in the area under study. The Koreans dearly love to decorate their rooms with embroidered articles. One finds embroidered Chinese pillow-cases alongside embroideries done in Bulgarian stitch and Russian satin-stitch. There are photographs on the walls, and printed or embroidered bedspreads on the beds. The windows are decorated with tulle or embroidered curtains. To keep the rooms cool on hot days, the windows are hung with paper or blankets.

The older children — secondary-school and advanced students, married sons and their families — live in the "modern" rooms. Particularly intensive use is made of the dwelling space in these rooms in houses without kudurs. In such homes, house slippers are increasingly in use. They are worn only in the cold months of the year. The floor continues to be kept very clean. In dwelling rooms, the wooden floors are painted or covered with linoleum. Runners of carpet or

cotton material are in wide use.

The interior of the house of a Korean family in which there is no kudur differs in no way in planning, furnishing, and arrangement from that of a city home. The homes have electricity, and electric irons and hot plates are in wide use.

Nevertheless, close study of the life of a Korean family indicates many interesting details that reveal customs and traditions associated with the mode of life in a house heated in Korean style. Korean women place the blankets and pillows on the bed in the old way, piled up. Suitcases are also kept in piles. Despite the fact that there are chairs and low tables in their homes, Korean women generally prefer to do the wash on the floor, squatting on their haunches. People also wash from a hand-basin on the floor, and do various household jobs there. Street footwear is removed upon entry into the house, as before.

The influence of urban culture is most strongly manifested in clothing. The comparatively brief time during which an article of clothing is kept facilitates the penetration of new fashions into everyday life. At present, all Koreans of the Middle Zeravshan Valley wear clothing of urban style, purchased or sewn from purchased fabrics.

Men are particularly fond of sand-yellow silk suits and tunics of semimilitary cut. This form of clothing is now in wide use among Uzbeks and Tadjiks as well. Young women and girls wear silk, woolen, or synthetic fabric dresses of fashionable cut. School uniforms are purchased for school-age children.

At the same time, individual objects of Korean

Fig. 2. Koreans in everyday dress.

Fig. 3. Contemporary dress of Korean girls.

women's national costume is always worn for major family festivals: a child's first birthday, a wedding, an anniversary.

National dress is made nowadays by sewing, although there are many who remember that, when they lived in the Far East, clothing was glued together with a special glue, pkhul', made of potato starch. The glue was used to fasten lace and collars on the chogori, or women's jacket, and to tack up the hem of a skirt.*

Under the direct influence of the local Uzbeks and Tadjiks, Korean women have begun to wear dresses in Uzbek style. Girls of preschool and school age wear long bloomers beneath their dresses.

Most Korean women wear braids. Girls do their hair in two braids, while young and elderly women coil their braids in a bun. The head is covered with a kerchief tied in back. In winter, fur or wool kerchiefs are worn. Men generally wear service caps and felt or straw hats. For work in the fields, many still wear the hexagonal or octagonal Korean straw hat, kat. Footwear is store-bought, and in rainy weather Central Asian rubbers are worn.

Much that is traditional has been retained in the Koreans' diet. To this day the principal dish is boiled rice without salt, pap, which is eaten three times a day. The standard seasoning for

national costumes are preserved to this day in each family. Among elderly women, the Korean shirt, chkhi-ma, is widely worn. The Korean sleeveless vest, tyngori, worn by both men and women, is in wide use. "Korean" buttons have been replaced on the vest by the usual, factory-made kind. Patch pockets are also an innovation on the tyngori. The

the rice is chai, a gruel-like sauce made of soya, or kanchai, liquid soya. Various salted and pickled dishes, kimchi, are also widely used condiments with rice. They are made of onions, cabbage, tomatoes, cucumbers, and muskmelon. Korean housewives also make sharp, hot dishes, chkhe, of vegetables: cabbage, carrots, potatoes, eggplant, etc. There is a diverse assortment of dishes made from pork and chicken, rice and wheat flour. The Koreans are very fond, as are their Uzbek, Tadjik, and Russian neighbors, of kuksu, a kind of Korean noodles made of unleavened dough. Kuksu is served in a meat bouillon, to which pieces of meat are added. Among other dishes, the most popular is khve', made of raw fish.

In homes with a kudur, the Koreans eat at a very low table, papsan. In homes without a kudur, they eat at a regular high table, usually in the kitchen, which also serves as dining room. The rice and all the condiments are served in a variety of tureens or shallow Uzbek piala dishes. A piala containing cold fresh water is placed before each individual, and the rice is placed in this. Chopsticks have gone out of use entirely, and spoons are employed instead. The Koreans usually eat soups for breakfast and supper. Along with "Korean" soups, made of liquid soya, Korean women now often cook borshch and meat-stock soups.

The food is prepared in iron pots plastered into the top of the kudur stove. In homes without a kudur, wide use is made of kerosene stoves, kerosene-vapor stoves, and primus stoves.

The menu is most varied in the autumn and winter months, when the women have more free time. Weddings are usually set for those months, and particularly large numbers of dishes are prepared for such occasions. Koreans report that the preparation of food for solemnities like a wedding, a child's first birthday, or the parents' major anniversary begins weeks in advance. On such occasions, relatives and acquaintances come to help the family in which the celebration is being held. They take part in making the various dishes, buying produce, and serving at table. Men help in the work. Their duties include, for example, the grinding of

beans in a hand-mill, metol', for making tybi, (16) a special kind of appetizer, and work on the punkhul', a special device for rolling dough in making kuksu.

Mutual assistance in preparing a holiday table is particularly necessary because the preparation of certain Korean national dishes requires a great deal of time and labor. For example, to make chkal'ttok (steamed rice), three women work for several hours with a knife-type hulling mill. The preparation of tybi (soya curds) is also laborious and complicated. More than a week is needed to make another Korean holiday dish, kil'kym chkhe, from grains of mosi. A sweet pastry, kvadiul' (waffles), is obligatory in the holiday menu. As Koreans put it, if kvadiul' is missing at a wedding, that's no wedding but an "empty holiday,"* Usually, from 800 to 1,200 kvadiul' are made for a wedding, and up to 2,000 for a major [50th or 60th — Ed.] birthday. It takes five women a whole week's work to make kvadiul' for a wedding. Food for family holidays is made in large amounts and is very diverse in selection.

Today bread, milk products, and butter are increasingly entering the Korean diet. Bread is put on the table at every meal, along with the rice mush. The Koreans living in the Middle Zeravshan Valley have begun to drink a great deal of tea, undoubtedly influenced by the Uzbeks. (17) Both green and black tea are in demand. Like the Uzbeks and Tadjijs, the Koreans offer tea before the meal. Plov [pilaf], shurpa, (18) and kuksu with mutton have become regular components of the daily and holiday fare of the Koreans. The Koreans also eat Uzbek flat bread. At the same time, kimchi and kuksu are now being made in many Uzbek and Tadjijs families from Korean recipes.

* * *

Thus, the Koreans living in Samarkand Oblast of the Uzbek SSR retain their traditional occupation (rice farming) and many distinctive traits of material culture (the heating system; diet). At the same time the influence of Russian culture is strong in their mode of life. This is most vividly seen in the arrangement of dwelling

interiors and in their clothing and utensils. The thirty years of residence of the Koreans in Central Asia and Kazakhstan have made for the appearance among them of certain elements of the Central Asian mode of life. It is hardly to be doubted that the process of cultural convergence between the Soviet Koreans and the neighboring peoples will go farther, thus creating conditions for the development and flourishing of overall Soviet culture.

Footnotes

1) Iu. V. Ionova, "U koreitsev Srednei Azii," KSIE AN SSSR, XXXVIII, Moscow, 1963, pp. 23-24; same author, "Koreitsy," in Narody Srednei Azii i Kazakhstana, Vol. II (in the series Narody mira, etnograficheskie ocherki), Moscow, 1963, pp. 564-565.

2) M. G. Levin, "Antropologicheskii tip koreitsev," KSIE AN SSSR, VIII, Moscow, 1949, pp. 25-34.

3) R. Sh. Djarylgasinova, "Kul'tura i byt koreitsev sovkhoza 'Raushan' Kungradskogo raiona, Karakalpakskoi ASSR," KSIE AN SSSR, XXXV, Moscow, 1960; Iu. V. Ionova, "U Koreitsev Srednei Azii," op. cit.

4) Koreiskie skazki, Moscow, 1966.

5) O. M. Kim, "O iazyke koreitsev SSSR (K postanovke voprosa)," Nauchnye trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 202, Tashkent, 1962.

6) The term "Soviet Koreans" not only denotes the Koreans of the USSR as distinct from Koreans living in other countries; the concept "Soviet Koreans" also reflects the changes that occurred in the mode of life and culture of the people during the Soviet years. It is in this sense that the term "Soviet Koreans" was employed in Kim Syn Khva's work Ocherki po istorii sovetskikh koreitsev, Alma-Ata, 1965, although the author does not place his major emphasis upon defining the content of this term.

7) The first party of Koreans crossed the frontier in 1863. For fuller details see Kim Syn Khva, op. cit., p. 28.

8) Ibid., pp. 31-32.

9) V. Pak kindly provided this information.

10) In 1961, the present author, as part of the Zeravshan Detachment of the Central Asian Ethnographic Expedition, studied the life of the Korean collective farmers of Lower Dargom. All the field materials are stored in the archives of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences, USSR.

11) Kim Sakkat was the pseudonym of Kim Bengy Eng, a 19th century Korean poet. The pseudonym means "Kim in the Straw Hat" — i.e., in the headgear of the Korean peasant.

12) This method of sowing existed among the Koreans when they resided in the Far East; cf. S. D. Anosov, *Koreitsy v Ussuriiskom krae*, Khabarovsk and Vladivostok, 1928, p. 38.

13) In the fall of 1961, the author of the present article had the opportunity to observe the work of collective farmers as they threshed the grain. A combine arrived at the Balatash field camp, in the Kara-Dar'ia flood plain. Uzbek operators started the machine. Several Korean women took turns in bringing up the sheaves of harvested rice. An elderly Korean, working with exceedingly rapid, lightning-like motions, cut away the stalks which bound the sheaf; he gave it to one of two young Koreans who were standing at the combine and threw the sheaves

into the receiving chamber. A cloud of dust rose above them. The mouths of all the workers were carefully bound with kerchiefs. The women brought up the sheaves of cut rice in rotation. The work was extraordinarily well coordinated.

14) The present author lived for more than a month with Tsoi Sen Su's family in the fall of 1961.

15) In 1962, Tsoi Sen Su built a kudur in one of the secondary rooms.

16) The literary term is "tubu." See *Koreiskorusskii slovar'*, Moscow, 1951, p. 165.

17) Unlike the Chinese and Japanese, the inhabitants of Korea used virtually no tea in the past.

18) The names of certain Central Asian dishes have become part of the vocabulary of the Soviet Koreans. Included here are words such as plov, samsa, manty, etc. For further detail on this, see O. M. Kim, op. cit.

Editor's Note

a) Here and below, references to unpublished field notes have been replaced by asterisks.